

Сергей Селютин

Голову выше

Игроки стоят на разделительной линии друг напротив друга. Судья подбрасывает в воздух полосатый мяч, прыжок – и Донни Баквит, капитан сборной Первой (и, надо сказать, единственной) школы городка Игл Рок (что в штате Мэн) успеваешь дотянуться до резиновой оранжевой сферы на целых полсекунды раньше противника (тоже капитана – он играет под цифрой «2») – лидера команды города Порт Клайд (что опять-таки в Мэне). Еще мгновение – и Донни старательно стучит мячом о паркет зала, прикрываясь плечом от загребущих рук Двойки. Ярд, другой – Донни делает выпад влево (фальшивый), а когда Двойка покупается на этот трюк, пасует мяч прямо в руки Джаниса Грейгера (которого даже родная мать не может отличить от брата-близнеца Айвана – тоже, надо заметить, Грейгера). Джанис ловит передачу, проводит мяч под ногой...

Самоуверенный хлыщ, - подумал директор Дункан Моррисон, в который раз косясь на сидящего напротив мужчину. Тот, словно прочитав мысли Дункана, улыбнулся еще шире.

- Ну, так как, начальник, - он подмигнул, - берете?

Дункан прокашлялся, пытаясь придать себе больше официальности.

- Давайте еще раз, господин Фарго. По вашим словам, вам требуется не более трех недель, чтобы существенно повысить мастерство наших спортсменов. Однако мне не совсем ясно, как именно вы намерены достичь указанного результата, поэтому...

- Слушай, Дуни, ну чего ты от меня хочешь? – перебил директора Фарго. - Пойми, это спецметодика, ее применяют тренера университетских команд. Само собой, в глуши вашего Мэна никто о ней не слышал – ты уж не обижайся. Мне вообще-то все равно, просто отец одного из ребят – мой знакомый. Звонит, значит, он мне: Родни, выручай! Тренера сборной застучали с шестилетней девочкой...

Директор постучал кончиком карандаша по дубовой столешнице.

- Мне не хотелось бы обсуждать *эту* тему, господин Фарго.

- А то, - поддакнул претендент и как ни в чем не бывало продолжил, - с шестилетней девочкой на коленях. Черт, он при этом гладил ее по голове! Угощал конфетой! Я отлично понимаю попечительский совет, господин директор, держать на работе таких извращенцев – это слишком!

Окончательно убедившись в своем бессилии управлять темой разговора, директор промолчал.

- А приятель, значит, мне и говорит: Родни, через три недели у сына финальная игра группового турнира. Очень хорошие шансы не попасть в плей-офф. Я, говорит, спать не могу, переживаю, что некому сынишке баскетболу учить. А ты-то ведь даже в НБА засветился, все можешь. Кроме тебя, говорит, никого другого тренером не вижу. Ну, я друга пожалел, опять же, сейчас у меня годичный отпуск, лечу мениск, дай, думаю, помогу детям, поделюсь опытом!

Глядя на напористого претендента, директор никак не мог взять в толк: издевается тот над ним, или же от природы озабочен лишь собственной персоной. С каждой секундой посетитель нравился ему все меньше.

- А как зовут вашего знакомого, - спросил Моррисон, решив все же отказать развязному типу, что бы он там о себе не рассказывал.

- Альфред Маршалл его звать, - кротко ответил Фарго. – Начальник, значит, ваш, председатель попечительского совета. Сын его, Зак, в выпускном классе учится. Так что, берете?

Не успеваешь еще игрок Порт Клайда (на спине которого жирнеет белая «7») оказаться в трехсекундной зоне, как Билли Айвори (лучшие известный друзьям как «Крохотка») нависает над ним во весь свой (немаленький даже для взрослого) рост. Семерка не то, что не видит корзины – он не может разглядеть даже, кому можно отпасовать. Время идет – и Семерке, чтобы не допустить овертайминга, приходится швырнуть мяч куда-то вбок – наудачу (не очень мудрое решение). Игрок клайдовцев под номером «1» отрывается от закрывавшего его Бобби Чикена, но (плоховато с техникой) хватает мяч обеими руками, роняет на пол, отскок – мяч снова обнимают две ладони (нарушение!). Карающий свисток арбитра – и инициатива переходит к сборной Игл Рока.

- Глистенши, - ласково шепчет Единиче Бобби Чикен...

- Главное, ребятки, зал видеть, - говорил Фарго, прохаживаясь вдоль шеренги школьников в баскетбольной форме. – Девчонка тот, кто вниз смотрит. Откуда у девчонок руки растут, кто скажет?

- Из жопы! – весело крикнул Айван Грейгер. Школьники засмеялись.

- Точно, из нее родимой, из самой сраки, - подтвердил оскалившийся Фарго, со смаком выделяя последнее слово. – А откуда руки у пацана тянутся?

- От плечей!

- Верно, черти! От плечей! – Фарго высунул язык и лизнул самого себя в волосатую подмышку. Парни в ответ заржали еще громче, а Бобби Чикен даже свалился на пол.

- Короче, сынки, главное правило баскетбола вот какое: на мяч, когда ведешь, смотреть запрещено. Голову держать надо повыше, а еще - видеть поле, думать, кому пасовать. Сечете?

- Сечем, - выдохнули пацаны.

Счет (вполне закономерно) уже 48:17 в пользу Игл Рока. Сидящие на трибунах родители удивленно переглядываются – еще бы, ничем особым не проявлявшая себя команда-середнячок луцит как орех прошлогоднего чемпиона и лидера отборочной группы.

*Несмотря на то, что половина матча уже позади, ни Томми Лемми (его еще кличут «Лимоном», а почему – никто уже не помнит), ни его лучший друг (настолько лучший, несколько раз в неделю они, как сказали бы в добрые старые тридцатые, **делят друг с другом ложе**), долговязый китаец Бан Че, не утомились ни на цент.*

- Поломаю! - страшным голосом (в котором слились «Остров дракона» и «Час пик») кричит Бан Че стоящему на его пути клайдовскому защитнику с «шестеркой» на майке. Шестерка в испуге отшатывается. (Дешевый трюк, но сколько раз работал... и будет работать.)

Впрочем, кольцо противника остается прикрытым – пустые азиатские угрозы не пугают бесстрашного маленького афроамериканца, несущего на себе цифру «5». Растянув пухлые губы, он сияет белизной зубов и выбивает мяч (чисто-чисто – руки не задеты) из ладоней Бана. Бан чуть не плачет от досады, но Пятерка уже далеко – он целится с трехочковой линии в кольцо Игл Рока.

Удар! Это Томми Лемми (два зайца одним выстрелом – отомстил за друга и не дал забить врагу) врезался корпусом в ничего не подозревавшего Пятерку. Судья останавливает матч и походит к растянувшемуся по паркету Пятерке, вокруг головы которого – зубной нимб. На площадку выбегает докторша Леви Бронштейн. Она помогает Пятерке подняться – из десен афроамериканца сочится багровая кровь, почти незаметная на темной коже. Томми Лемми улыбаясь смотрит на страдания соперника. С улыбкой же он следует на скамейку запасных, куда его выгоняет арбитр за фол последней надежды.

- Неужели мальчику это нравится? - думает бородатый мужчина с пивным животиком, сидящий на трибуне в самом верхнем ряду.

Хотя в свои шестнадцать Билл и вымахал семи футов росту, - мать даже водила его к доктору, боялась гормонального расстройства, - прозвище «Крохотка» прилипло к нему намертво. В группке ждущих очереди парней – их оставалось всего пятеро – он выделялся, как лимузин среди фольксвагенов.

Пацаны травили байки – гвоздем программы был цвет трусиков Люси Картье, юбку которой посередине школьного двора задрал бушующий уже третий день подряд юго-восточный атлантический ветер. Поглядывая в нервическом волнении на дверь тренерской, Билл рассказал о лавке, в которой, сколько б тебе не было лет, можно спокойно купить бутылку вина – хозяину, русскому иммигранту, возраст клиентов по барабану. Донни Баквит поведал о том, как воровал у отца сигареты и чуть было не попался. В разгар пламенной речи Томми-Лимона – в своей привычной эмоциональной манере он агитировал пацанов вырастать и как можно скорее записываться в армию, отправляться на войну – на пороге тренерской появился Фарго.

- Следующим пойдет, - сделал он паузу, - да хоть бы и Билли. – Фарго направил на парня указательный палец, согнул его, будто нажимая на спусковой крючок, и крикнул. Пацаны заржали. Билл встал со своего места и переступил через порог. Фарго за его спиной показал парням козу и прикрыл дверь.

- Тренер, - спросил Билл, - сэр, а где все наши? Ну, кто заходил до меня?

Фарго покрутил пальцем у виска.

- Да ты, Билли-бой, совсем в «Нинтендо» заигрался, отупел вконец. Я же не один раз говорил, кто личный инструктаж прослушал – выходят через заднюю дверь, спускаются на первый этаж и ждут меня в кабинете истории. Не слышал?

Билл смущенно потупился.

- Ладно, - прищелкнул языком Фарго, - слушай сюда. Становись посередине комнаты, закрывай глаза, вытягивай руки, а голову держи повыше. Гипнотизировать тебя буду. На победу.

Билл послушно поднял перед собой руки, зажмурил изо всех сил веки и задрал подбородок. Ему было немного страшно, но, вместе с тем, еще и жутко интересно – как оно, чувствовать, что тебя гипнотизируют.

- Дело в том, - хрипловатый голос Фарго доносился то справа, то слева, то сзади, - что думающий человек не может хорошо играть в ни баскетбол, ни, скажем, в бейсбол. В любом виде спорта – кроме, пожалуй, шахмат - от спортсмена требуется, прежде всего, автоматизм. Никаких размышлений – одни действия. Голые рефлексy, мышечная память. Решения должны приниматься на бессознательном уровне, для верности - сознание игрока должно быть полностью отключено. Чтобы ничем не отличался от машины.

Холодный тонкий металл лег на шею Билла. Мгновение – и струна вонзилась в шею мальчика, перекрывая воздух, прерывая хрип и не успевший родиться крик.

- Вот я и помогаю ребятам, навроне тебя, отключить навсегда сознание, - закончил Фарго. - Обычно мне это удается.

Третья четверть. На площадку выходит Зак Маршалл (к большой радости его родителей). Они еще не знают, что неделю назад он впервые понюхал крэк, равно как и то, что от их дитяти беременна его одноклассница – Мери Ли (она тоже присутствует на матче, машет Заку рукой, тщетно надеясь, что двухнедельная задержка – это ерунда). Зак безразличным взглядом окидывает болельщиков и незамедлительно включается в игру – проходит меньше двух минут, а на его счету уже шесть очков и три подбора. Сейчас он стоит в центральном круге, не спеша разыгрывать комбинацию, не будучи уверенным в ее успехе.

У Двойки не выдерживают нервы, и он устремляется к Заку в надежде отобрать у него мяч. Зак мигом принимает решение, показывает товарищам по команде три пальца, из-за спины переводит мяч с правой руки на левую, одновременно поворачиваясь корпусом и пропуская Двойку (обманутого как щенка) мимо себя. Два прыжка – Зак пасует на Бобби Чикена. К

тому мчатся номера Шесть и Четыре. Бобби хладнокровно уводит мяч прямо из-под (загребущей) руки Четверки, дуэт в глаза Шестерке, заставляя того моргнуть (грязновато, но действительно) и снова пасует на Зака. Зак врывается в очерченную красным зону под открытым кольцом - можно спокойно забрасывать – но замечает стоящего на трехсекундной линии Билли Айвори. Билли – лучший дальнбойщик команды, три больше двух, а командный дух сильнее эгоизма – мяч летит в руки Крохотки. Бросок - и отрыв Игл Рока от Порт Клайда достигает сорока очков.

Часы показывали десять утра, а патрульному Дону Джонсону нетерпелось выпить. Стоя на четырехполосном шоссе, где скорость была нарочно ограничена до жалких тридцати миль час – таким образом полиция штата пополняла за счет заезжих лихачей-туристов свой бюджет – он мечтал о глотке-другом из спрятанной в бардачке фляжки с бренди. Два раза его ловило на пьянстве начальство, дважды он получал выскание, третий раз завершил бы полицейскую карьеру, – но желание выпить перевешивало любые опасения о невзгодах в будущем.

Дон перебрался на правое переднее сиденье, вытащил плоскую емкость, отвинтил колпачок – от запаха бренди все закоулки мозга будто бы осветило лампочкой – как вдруг заметил плетущийся по дороге форд-фургон темно-красного цвета. Дон сморгнул, присмотрелся – через борт кузова безвольно свешивалась на дорогу тонкая рука.

Бренди полилось из упавшей фляги на застилавший пол резиновый коврик. Дон в это время искал ногой сцепление. От резкого рывка машины екнуло в животе. Завыла мигалка, Дон нашарил микрофон громкоговорителя, нажал кнопку, заорал водителю форда:

- Стоять! Приказываю остановиться! Стоять!

Форд замер. Дон выскочил из машины, нащупал на бедре кобуру, рванул застежку, обнажил оружие.

- Из машины! Быстро!

Дверь форда отворилась. Водитель переступил через подножку, стал во весь рост, подняв руки вверх.

По-правильному, патрульному следовало зачитать подозреваемому миранду, надеть наручники, усадить на заднее сиденье патрульной машины и вызвать подмогу. Вместо всего этого Дон махнул револьвером в сторону кузова и спросил:

- Кто там?

- Дети, - ответил водитель. Секундой назад мышцы его лица были напряжены, сейчас же он улыбался во весь рот.

- Какие дети? – спросил Дон. Вынесенные из чтения уставов знания подсказывали, что самовольно допрашивать преступника – неверно, что водилу нужно положить мордой в асфальт, но какая-то сила – внешняя ли, внутренняя ли - не давала патрульному перейти от вопросов к приказам.

- Подростки, мертвые, четырнадцать трупов - водитель стал плавно опускать ладони. Что-то в них было явно не так - Дон не мог взять в толк, что именно.

- Я их всех убил. А сейчас везу на кладбище. Буду хоронить, - продолжил водитель. – Только перед этим надену на них та-ты. Кстати говоря, ты ведь хотел промочить горло?

- Чего? – изумился Дон явно нелепому вопросу и вдруг ощутил, что больше всего на земле ему сейчас нужно влить в рот хотя бы капельку бренди – и ни о чем, кроме этого, думать он не может.

Собственно, почему бы и нет? Предложение - дельное. Фляжка - в руках. И компания чудо как хороша.

Дон обхватил губами стальное горлышко, запрокинул голову, сглотнул и спустил курок.

Айван Грейгер стоит на штрафной линии (ярко-синей) и глядит на паркет, блестящий от капель пота. Штрафные он бьет плохо (подводит зрение), поэтому слегка волнуется. Айван поднимает ладони над головой – на правой лежит мяч, левая едва касается резинового бока, выдыхает и разгибает локоть. Мяч описывает параболу, ударяется о край корзины, отражается от щита, снова бьется о дужку – и скатывается вниз, минуя кольцо (мазила!). Айван понимает, что тренеру может не понравиться такая небрежность.

Перед вторым броском Айван сосредоточенно стучит мячом о площадку (пытаясь максимально сосредоточиться). Принимает позицию и со всей силы швыряет мяч в щит - мимо кольца. В это же момент стоявшие по краям трехсекундной зоны игроки устремляются к корзине – за подбором. Оранжевый шар отскакивает от плексигласовой плоскости – и ложится Айвану в руки (правильно рассчитал угол, бесенок!). Возле него никого нет, нужно забивать, но Айван идет ва-банк. Он отходит к трехочковой линии, и, пока не подоспели противники, бросает мяч в кольцо. – Пожалуйста! Пожалуйста! – шепчут его губы.

Мяч ложится ровно в центр корзины, и, словно салютуя великолепному маневру парня, взлетает в воздух шуришащая сетка.

Плешистый ворон, от старости уже не угольно-черный, как в молодые годы, а, скорее, пыльно-серого окраса, почуял кровь. Он лег на крыло, сделал, чтобы разобраться, откуда тянется запах, большой круг над лесом, и полетел на северо-запад. С каждым взмахом крыльев будоражащий, сладостный аромат становился все сильнее – пока, наконец, перед ним не открылась поляна.

На краю поляны примостился вонючий каменный бизон с широкой спиной, на которой лежало много тушек с виду мертвых двуногих – большей частью, худых и длинных. Неподалеку – но вполне безопасно для ворона – еще один двуногий долбил землю прямым тонким отростком. Ворон сел на лежащего двуногую, попрыгал для верности вверх-вниз по передней лапе, придавил клювом нежную кожицу. Решив начать обед с самого вкусного, передвинулся к глазам.

- Нет! – каркнул вдруг тыкавший землю двуногий. – Добыча. Моя. Улетай!

Ворон презрительно повел клювом. Двунюгий далеко – глаза близко. Клюв бьет быстро.

- Много! Кровь! Много! Показывать! Много! Улетай! Показывать! Улетай! – не унимался двунюгий. Он поднял вверх передние лапы. – Нюхать!

Ворон принюхался. Поляна пахла сукровицей, источала кровь спина бизона, но от лап двунюгого шел дух пожизненной сытости, вечного пиршества, сладости всех глаз и жирности всех мозгов зверей и птиц этого и прочих лесов.

- Улетай! – повторил двунюгий.

Ворон нехотя махнул крыльями, подпрыгнул в воздух, примостился на колючем дереве.

Двунюгий внизу долго тыкал землю отростком. Потом вынул из-под лапы блестящие твердые камешки и прицепил их к когтям лежащих на бизоне тушек. Ворону захотелось украсть такой камешек, но двунюгий, заметив его беспокойное шевеление, заржал: - Нет! Нет! Кровь! Много! Показывать!

Потом двунюгий, фырча и подвывая, перетянул тушки в расковырянную дырку – особенно кряхтел он над толстым большим телом с мозгами наружу. Закидал тушки землей, сел на бизона, замер.

Ветер дул, деревья качались, яркий небесный глаз сместился от большой воды к лесам. Из-под земли полезли на воздух двунюгие – ворону никогда не приходилось видеть такого дива. Подземные двунюгие обступили сидящего на бизоне. Тот принялся хрипеть. Понимай ворон этот хрип, он услышал бы:

- Вы в моей власти, на вас мои *та-ты*. Подчинитесь мне, выиграйте матч – и я позволю вам убивать. Откажетесь – вернетесь к небытию.

Стая двунюгих попадала на землю, принялась нежно клевать копыта главного двунюгого. Тот перебрался со спины куда-то в живот к бизону. Бизон затрубил. Стая оседлала его спину. Бизон сорвался с места. За бизоном – к Большой Поживе – поднялся в небо и ворон.

До конца игры – девять секунд. Мяч на руках клайдовцев, но им отпущен лимит всего в шесть секунд, после чего нужно бросать – или же право разыгрывать перейдет к Игл Року. Надежд на победу нет и не может быть – на табло 97:42 (набранные иглрокскими школьниками очки достойны даже НБА), но проигравшим хотелось бы оставить последнее слово за собой.

Перепасовка – Шестерка - Двойка – Четверка – Шестерка – Девятка – и от лимита остается жалкая секунда. Судья готов засвистеть, и Девятка бросает мяч, как ему кажется, прямо в кольцо.

Словно из ниоткуда выпрыгивает Бобби Чикен – и ставит на пути мяча просто-таки волейбольный блок. Мяч отражается от рук парня. Мгновение – и его подбирает Билли Айвори. До конца игры (так говорят большие экраны, установленные по углам арены) – две секунды, и Билли Айвори никак не успеет добежать от центра площадки до щита противника.

- Была не была, - говорит Билли и могучим размахом правой руки посылает мяч в кольцо соперников. Звучит финальная сирена, под звуки которой мяч (просто-таки, фау-2!) влетает в корзину Порт Клайда. Изумительная победа!

Бородатый мужчина с пивным животиком видит, как вскакивают со своих мест визжащие от восторга болельщики. Команда Игл Рока в полном составе выходит на площадку. Директор Первой школы Дункан Моррисон, который, похоже, не может совладать с охватившими его чувствами, обнимает нового тренера. Тот - с улыбкой, которой позавидовал бы даже аллигатор – принимает поздравления директора и что-то говорит в ответ. Дункан кивает, отходит к судейскому столу и возвращается с фаллообразным микрофоном.

- Дорогие друзья, - произносит он, касаясь ртом черной губки, - мне хотелось бы предоставить слово Родни Фарго, замечательному тренеру, которого мне хотелось бы видеть почетным жителем города Игл Рок!

- Спасибо, Дункан, - говорит Фарго. – Пожалуйста, друзья, перед тем, как я поздравлю нашу великолепную команду и наш невероятный город, мне хотелось бы, чтобы все, кто присутствует сегодня в зале, замолчали бы. Я прошу тишины.

Просьба кажется бородатому мужчине странной, но, повинувшись капризу тренера, он умолкает. Гомон на трибунах глохнет.

Фарго трижды хлопает в ладоши.

- Узники *та-ты*, освобождаю вас от чар.

Золотые кольца сползают с пальцев иглрокских школьников и со звоном, хорошо слышным в тиши зала, бьются о дубовый паркет арены. Из-под судейской трибуны, громко хлопая крыльями, вылетает ворон.

Гаснет свет.

Сами собой захлопываются двери и окна.

- Лейте, лейте, лейте кровь, - кричит в темноте Фарго, - никто не выйдет отсюда живым!

Колени бородатого мужчины подгибаются, и он падает на сиденье скамьи.

Ему страшно и жутко, но он не в силах сделать ни шага.

Чтобы не заглушить крики умирающих, он затыкает уши кулаками.

Когда же, наконец, к его шее прикасается что-то теплое, бородатый мужчина лишь скулит от радости, что смерть близка.